

Anthropology, History, and American Indians: Essays in Honor of William Curtis Sturtevant. Smithsonian Contributions to Anthropology. № 44. / Eds. M.L. Merrill and I. Goddard. Washington D.C.: Smithsonian Institution Press, 2002. 357 p.

Рецензируемая книга посвящена Уильяму Кэртису Стартеванту, одному из ведущих антропологов США второй половины XX в., по случаю его 75-летия (родился 16.07.1926). Его работы в области изучения культуры, языков и истории аборигенов США широко известны. Мировое признание ему принесла работа в качестве ответственного редактора многотомного издания “Handbook of North American Indians”. Российский читатель мог ознакомиться с его статьей о семиналах на русском языке в книге “Североамериканские индейцы”, вышедшей в Москве в 1978 г.

В рецензируемую книгу вошли более тридцати очерков, сгруппированных в шесть блоков. В первом из них – “Уильям Кэртис Стартевант” – помещены два материала, освещающие жизнь и творчество юбиляра, и список его трудов. Открывает книгу очерк, написанный его сестрой, Хэрриет Стартевант Шапиро; в нем рассказано о семье, в которой они выросли, и о начале университетской учебы. В следующем очерке, “Уильям Кэртис Стартевант, антрополог”, У. Меррилл подробно описывает формирование юбиляра как исследователя и его научную карьеру. Подчеркиваются свойственные Стартеванту широта интересов и знаний, что, как полагает Меррилл, отличает его от большинства современных антропологов-североамериканистов, которые обычно сосредотачивали свои исследования на отдельных обществах или регионах континента. Меррилл напоминает, что Стартевант стал автором более 200 публикаций, посвященных антропологии Нового Света, истории и философии антропологии как дисциплины, важности музеев и материальной культуры для антропологической науки. Он, кроме того, находил время для активной организационной деятельности, будучи руководителем или членом ряда профессиональных антропологических организаций. Меррилл называет несколько направлений, в которых, по его мнению, Стартевант шел против основных тенденций в антропологии или опередил время их распространения – сравнительный подход в исследовании в то время, когда росло увлечение партикуляризмом; исторический подход, когда преобладал анисторизм, изучение материальной культуры и музейных коллекций, когда это было вне моды; европейское видение неевропейцев (с. 11).

Стартевант поступил в Калифорнийский университет Беркли в 1944 г., получил в нем степень бакалавра в антропологии в 1949 г. С марта 1945 по сентябрь 1946 г. он служил на флоте и приобрел специальность фармацевта. Помимо занятий в своем департаменте (Антропологии) он слушал лингвистов из других департаментов, участвовал в нескольких полевых выездах археологического и этнографического характера. Для продолжения образования Стартевант в 1949 г. сдал экзамены в Йельский университет, у которого, как пишет Меррилл, в то время была репутация центра новаторских теоретических работ в антропологии, особенно в области изучения культуры и личности (с. 12). По окончании первого года занятий Стартевант отправился к семиналам юга Флориды, среди которых позже работал не раз. Именно полевые работы среди семиналов, на взгляд Меррилла, оказали влияние на понимание Стартевантом антропологии как науки, на важность роли информанта. Со своим информантом Стартевант обсуждал вопросы семинальской медицины, мировоззрения, истории, межэтнических отношений, материальной культуры и хозяйства, родства и социальной организации. Стартевант зафиксировал способы применения лекарственных растений, впервые записал заговоры и песни, связанные с медицинской практикой. Во время учебы в Йеле ему также представилась возможность изучить музыкальные инструменты ирокезов. В сентябре 1954 г. Стартевант закончил диссертацию “Семинолы микасуки: медицинские верования и практика” и весной 1956 г. получил диплом. Эта работа стала одним из самых детальных и систематических этноботанических исследований по какой-либо из групп индейцев и одновременно наиболее тщательным этнографическим описанием микасуки (с. 17).

Почти девять лет Стартевант работал в Бюро американской этнологии Смитсоновского института, выезжал в разные индейские общины США, Канады и Мексики, в 1960 г. посетил многие европейские музеи. Он опубликовал несколько работ по семиналам, по земледелию антильских аборигенов, изучал индейцев калуся, одно из немногих стратифицированных неземледельческих обществ Северной Америки, писал статьи в разные энциклопедии. В 1957 г. в брошюре “Антропология как карьера” представил свое видение этой отрасли знания. На его взгляд, антропологическое исследование включало три вида деятельности: записывание и представление информации об определенных обществах и культурах (это он назвал этнографией), сравнение этих этнографических описаний с целью выявить общие процессы и кросскультурные формы различия и сходства культур (сравнительная этнология), объяснение этих процессов и форм (культурная теория). В тот период он обратился к изучению первых изображений североамериканских индейцев, оставленных европейскими художниками. Эта тема, наряду с культурой семиналов, стала одной из основных в его научном творчестве. В 1964 г. Стартевант опубликовал статью “Исследования в этнонауке”, вызвавшую как большой интерес, так и острую критику. Он определил этнонауку (ethnoscience) как открытие и описание тех концептуальных моделей, которые применяют чле-

ны различных обществ для организации своего опыта и ориентации деятельности. По его мнению, для антропологии была свойственна слабость этнографического метода, и при обилии типологий и генерализаций их описательные основания были ненадежны (с. 19). В 1960-е годы Стартевант побывал в Бирме и Кашмире, где изучал земледелие на искусственных островах, известное ему по Мексике.

В 1965 г. Бюро американской этнологии было упразднено, а его штат, библиотека и архивы перешли в Департамент антропологии Национального музея естественной истории. Новое подразделение стало называться “Смитсоновским офисом антропологии” (в 1968 г. было понижено до ранга департамента). Стартевант продолжал изучать семинолов, в частности изучал эволюцию мужской одежды XVIII–XX вв., для чего привлек данные полевых исследований, материалы архивов и библиотек, используя при этом более 1 тыс. иллюстраций. В департаменте антропологии университета Джон Хопкинс он с 1974 по 1989 г. вел курсы по американским индейцам, лингвистике, технологии и материальной культуре, а также такие менее традиционные, как графические системы, иллюстративная (pictorial) этнография, социальная археология. Он по-прежнему занимался организационной работой в нескольких антропологических учреждениях, активно выступал против войны США во Вьетнаме.

Основная деятельность Стартеванта 1960-х годов была сосредоточена на “Пособии по североамериканским индейцам”. После консультаций с рядом специалистов из США, Канады и Европы было решено создать это пособие в 20 томах. Планировалось все тома издать к 1976 г., 200-летию образования США, но такая задача оказалась невыполнимой. Первый том появился в 1978 г. и получил высокую оценку специалистов – в частности, К. Леви-Стросса (с. 27).

Несмотря на загруженность редакционной работой (Стартевант трижды прочитывал каждый том), он бывал в экспедиционных выездах к семинолом и публиковал статьи по этнографии юго-востока США, истории, материальной культуре, этноботанике и др. По-прежнему изучал ранние европейские изображения индейцев – к 1990 г. нашел и проанализировал несколько тысяч рисунков, картин и скульптур. Исследование Стартевантом этого рода источников способствовало глубокому проникновению в эволюцию европейских идей о неевропейском мире, пониманию влияния этих идей на представления неевропейцев о самих себе и более обширных процессов взаимодействия между европейцами и американскими индейцами (с. 28–30).

Рассмотрим теперь некоторые другие, наиболее интересные, на наш взгляд, очерки из рецензируемой книги. Второй раздел, “Антропологи, историки и американские индейцы”, открывается очерком Л. Нэйдера, в котором обращено внимание на то, что саморефлексия антропологов, занимающихся Северной Америкой, сконцентрирована на отношениях между этнографом и предметом исследования. При этом не принимается во внимание более широкий круг отношений и ролей антрополога, в частности, как адвоката (иногда колонизатора, иногда колонизованных), посредника между партиями, переводчика мировоззрений и др.

В нескольких статьях анализируется творчество предшественников Стартеванта, Ф.Г. Кашинга и Дж.А. Дорсея. В статье Ш. Креч III, названной “От этноистории к антропологической истории” затронуты такие вопросы, как соотношение истории и антропологии и проблема исторической истины. Б. Триггер рассказал о том, как в серии “Камбриджская история” издавался том по Северной Америке “История коренных народов Америки” и в чем заключалось отличие этого издания от “Пособия по североамериканским индейцам”. Интересно его замечание о том, что было трудно найти авторов, которые отличались бы широкими познаниями в истории и этнографии аборигенов, и что их нашли среди более молодых исследователей. У.И. Уошборн в статье “Историк среди антропологов” вспоминает о своем частом противостоянии антропологам в 1960–1970 гг., когда большинство их выступало с осуждением правительства по разным аспектам внутренней и внешней политики, и высказывает свое критическое отношение к культурному релятивизму.

В третьем разделе, “Трансформированные миры”, в нескольких статьях идет речь о воздействии европейской колонизации на некоторые группы аборигенов востока США и Аляски, о влиянии туризма на формирование коммерческого образа индейца на Юго-Западе страны. В одной из статей показана трансформация искусства гавайских аборигенов от священного символа через туристический образ к символу этнической принадлежности.

Работы, представленные в этом разделе, показывают возможность множества вариаций в культурных изменениях, обусловленных в каждом случае особенностями природно-географических, исторических, временных, общественно-политических и других факторов. В то же время понятие “трансформированные миры”, как правило, сводится к контактам аборигенных сообществ с европейским миром и происходящим в них под воздействием последнего изменениям.

Дж.Т. Миланич обращается к теме воздействия испанской колонизации на общество индейцев-тимуква в XVI–XVII вв. Тимуква, жившие на территории современной Флориды и южной Джорджии, одними из первых на территории Северной Америки подверглись прямому воздействию европейского общества. По причине их быстрого исчезновения об этой группе известно немного. Автор останавливается на доколо-

ниальном этапе истории тимуква, истории отношений тимуква с колонизаторами начиная с первых экспедиций Панфило Нарваэса (1528 г.) и Эрнандо де Сото (1539 г.), через военные конфликты, установление колониального режима и создания в начале XVII в. системы подчинения индейцев францисканским миссиям, до полного исчезновения тимуква в первой половине XVIII в.

В заключительном разделе статьи делается попытка объяснить итоги всесторонней деформации общества тимуква испанской колониальной системой. Автор отмечает, что система францисканских миссий, принудительные работы, прямое культурное вмешательство, переселение групп на другие территории, «милосердная система “спасения душ”, была скорее правой рукой колониализма» (с. 113).

Д. Кэмписи в статье “Нитс айти гвиш в двадцатом столетии” анализирует изменения в культуре субарктической группы кучинов р. Шандалар, происходившие на протяжении 150 лет, уделяя особое внимание проблемам адаптации к изменяющимся условиям. Несмотря на модернизацию жизни, данная общность продолжают зависеть от традиционных пищевых ресурсов, таких как карибу, лось и лосось. Аборигены приняли христианство, но сохраняют традиционный образ жизни. По мнению автора, особое положение группы стало возможным по следующим причинам: удаленное географическое положение, прочные культурные ценности, умелая система самоуправления и благоприятное стечение обстоятельств (с. 161).

Важным этапом достижения современного благополучия автор считает духовного лидера рубежа XIX–XX в. Эдварда Ррита, который стал в 1914 г. инициатором восстановления старой изгороди для охоты на карибу. Ее роль в непосредственном процессе жизнеобеспечения была уже невелика; по причине оснащенности охотников современным оружием. Однако, по мнению Д. Кэмписи, изгородь стала символом восстановления племенного единства и традиций коллективизма (с. 163). В дальнейшем это привело к сохранению роли традиционного образа жизни, особенно в области жизнеобеспечения.

Современный период характеризуется развитой системой самоуправления и владением общиной территорией с охотничьими угодьями, но, тем не менее, элементы модернизации могут способствовать укреплению позиций традиционного образа жизни. Автор выделяет следующие факторы: 1) осознанное желание обучать детей родному языку, культурным традициям, промысловой деятельностью; 2) собственные авиационные линии облегчают завоз товаров, что, в частности, облегчает промысловую деятельность; 3) снегоходы существенно интенсифицировали процесс охоты, особенно трапперства (с. 166).

В заключении в работе показана тесная связь между территорией, жизнеобеспечением (особенно промыслом карибу) и этнической идентичностью нитс айти гвиш. Автор характеризует их как жизнеспособное племенное общество в политически враждебном мире.

Представляется, что автор преувеличивает степень племенного единства кучинов. У населения субарктической зоны Северной Америки племенная организация отсутствовала вовсе, и сам термин “племя” (tribe), который часто используется автором, в данном случае трудно признать удачным.

Четвертый раздел, “Антропология в развитии”, содержит ряд очерков по истории науки – о классификации языков аборигенов до середины XIX в., о началах музейной антропологии в Смитсоновском институте, о таком виде деятельности музея, как обмен коллекциями, о создании антропологических архивов в университете Беркли в Калифорнии. Там же помещена статья Д.Дж. Мельцер о том, как в первой четверти XX в. определялась значимость североамериканских антропологов для публикации в “American Men of Science”.

В пятом разделе, “Коллекции в антропологическом исследовании”, в статье С. Прайс подробно анализируется построение рисунка на текстильных изделиях “лесных негров” Суринама, в жизни которых они играли важную эстетическую и культурную роль с конца XIX в. Статья построена на обширных полевых материалах 1960–1970-х годов и на данных, собранных в музеях, библиотеках и архивах Суринама, Голландии, Франции, Германии и США. Цель статьи – показать, как внимание к процессу производства изделий помогает понять природу изменения их художественных аспектов.

Здесь также размещены материалы о влиянии европейских мотивов на искусство ирокезов раннего колониального периода, о чехлах для ножей с северо-востока Америки, о коллекции изделий чукчей в Государственном музее этнографии г. Мюнхена и др.

В статье У.Н. Фентона и Д.Б. Смита “Разоблаченный Пабуковэй” поставлена задача идентифицировать маску, найденную в собрании одного шотландского музея. По стилю маска напоминала ирокезскую, но в итоге исследователи остановились на ее делаварском происхождении. В книге П. Джонса “История индейцев оджибве”, методистского миссионера среди оджибве и манси-делаваров южного Онтарио с 1823 по 1856 г., изображены три маски: делаварское божество М’синг (Me-Zeengk), “дьявольский идол манси”, и “Пабуковэй” (Pabookowaih). М.Н. Харрингтон (исследователь, изучавший делаваров в первой половине XX в.) считал Пабуковэй очень старой маской миссисога-оджибве. У. Стартвант установил, что “шотландская” маска – это Пабуковэй из книги П. Джонса. По мнению авторов рецензируемой статьи, в культурном отношении маска принадлежит делаварам. Они полагают, что древняя традиция изготовления и применения масок в Восточном Вудленде показывает генетическую связь между масками, вырезанными

на дереве в ирокезской манере и масками делаваров. Как и ирокезские “Фальшивые Лица”, Пабуковэй происходит от вырезанных на столбах масок (с. 284).

Традиция изготовления деревянных масок у индейцев Северо-Востока (Вудленда) в литературе связывается, как правило, с ирокезами и ритуалами общества “Фальшивых Лиц”. Авторы показывают, что маски играли существенную роль в ритуальной жизни не только ирокезов, но других народов этого региона, в частности делаваров.

В другой статье этого раздела Э. Карпентер анализирует европейские мотивы в раннеколониальном искусстве ирокезов. Автор останавливается на классическом сюжете из портретной живописи – портрете “четырёх королей Канады” (1710 г.) – четырёх ирокезских вождей, посетивших Лондон. Они, в частности “король могавков”, изображены в классической позе, выражающей знатное происхождение – в одной руке мушкет, приклад которого упирается в землю, а с другой стороны пропорционально мушкету у ног человека сидит животное (собака, медведь). Такие же мотивы встречаются на ранних ирокезских предметах. Автор приводит гребень сенека, на котором в идентичной позе изображен голландец, и петроглиф на одной из скал в верховьях р. Гудзон. Еще один мотив – фигуры всадников на гребнях. Сенека познакомился с изображениями лошадей раньше, чем увидели самих животных.

Автор задается вопросом, как могли попасть подобные никак не связанные с реалиями жизни ирокезов сюжеты в ирокезское искусство? Он полагает, что источником появления данного сюжета могли быть французские серебряные ложки XVI в., ручки которых изготавливались в виде человека с мушкетом в руках и собакой у ног. Такие ложки могли попадать к индейцам еще со времен Жака Картье (1534 г.). В заключении автор рассуждает о закономерностях распространения художественных сюжетов путем заимствования.

Последний, шестой, раздел назван “Природа в культуре”. Первая из статей – “Переосмысленный тотемизм”, авторы – Р.Д. Фогельсон и Р.А. Брайтман. В ней подробно рассмотрены история появления термина “тотем” и этимология этого слова на примерах из разных индейских языков. У.Д. Меррилл в своем очерке анализирует классификацию животных в одной из групп индейцев Северной Мексики, пытаясь установить, почему она не совпадает с научной.

Статья Д. Дама раскрывает особенности взаимосвязей между средой обитания, ресурсами жизнеобеспечения и охотничьими обществами на примере кольчатых тюленей и эскимосов центрального сектора Канадской Арктики (иглулик, нетсилик, медные, эскимосы-карибу). Автор установил, что “для центральных эскимосов Канадской Арктики кольчатый тюлень оказывает большое влияние на распространение ... и концентрацию людей” (с. 325). Плотность населения различных прибрежных регионов и времени пребывания там людей напрямую зависят от миграций и количества кольчатых тюленей. Популяция тюленей в этом регионе обуславливала рассредоточение селений иглулик вдоль береговой линии на расстоянии 400–480 км. Роль тюленя также была обусловлена целесообразностью его добычи. Охота на моржа была значительно опаснее, а по затратам усилий часто превосходила промысел тюленей.

Д. Дама много внимания уделяет описанию годового промыслового цикла различных групп эскимосов, в котором огромное место занимал кольчатый тюлень. Промысловый цикл иглулик, не считая небольших локальных вариаций, включал в себя: с конца января – начала февраля подледная охота; май–июнь – охота на лежбищах; начало августа – охота на открытой воде в каяках. В начале сентября молодые охотники уходили в тундру охотиться на карибу, пожилые продолжали охоту на открытой воде.

Тюлень оказывал прямое воздействие на систему и размер поселений. Исхода из особенностей миграций и максимального количества животных в исследуемом регионе, автор определяет группу в 100 чел. как высший предел численности зимнего поселения: это максимум нормального уровня зимней охоты. Необходимый минимум охотников трудно определить из-за колебаний в разные годы локальной численности и наличия тюленей.

Контакты с европейцами привели к изменению системы жизнеобеспечения. Отчасти происходящие здесь процессы были сходны с теми, что наблюдались у кучинов. С китобоями появились деревянные лодки, интенсифицировавшие промысел на открытой воде, а огнестрельное оружие существенно облегчило охоту в период “ледяной кромки” и лежбища. На карибу также стало легче охотиться. Это привело к дроблению и дисперсности поселений. В начале XX в. спрос на песцовые шкурки побудил эскимосов частично перейти к трапперству, что, по мнению автора, также способствовало увеличению подвижности образа жизни и дроблению бывших крупных поселений на мелкие экономические единицы (с. 330). Обычно переход к трапперству, напротив, ведет к вычленению частных охотничьих участков и оседлости. Однако это правило работает в случае материковых охотников тайги и тундры, здесь же речь идет об обществе оседлых морских охотников. Таким образом, остается только согласиться с выводом Д. Дама.

С.У. Минц в очерке “Утоляя сходную жажду” анализирует историю потребления чая в Англии и кокаколы в США, обнаружив в двух случаях как сходства, так и различия. Он демонстрирует, как на протяжении приблизительно двух столетий чай из придворного экзотического медицинского средства превратился в ежедневную потребность наиболее бедных людей. Кока-кола тоже задумывалась как медицинское

средство, а стала каждодневным напитком. Минц показывает, как со времени Второй мировой войны производство и потребление кока-колы приобрели символическое содержание – она стала отождествляться с государственной мощью США. Минц предлагает называть один и тот же социальный процесс, имевший место в различных местах и в разное время, “систадальным” (systadial), позаимствовав термин у археолога Г. Чайлда (с. 356).

Ряд статей сопровождается иллюстрациями (несколько из них – цветные). В целом книга очень содержательна и демонстрирует диапазон того, что в США называется антропологией, а поводом для этого стал широкий круг исследовательских поисков, свойственных творчеству юбиляра. Научная работа Стартеванта дает убедительный образец того, как можно, идя вне общепризнанных научных дорог, раздвигать горизонты науки.

Э.Г. Александренков, Д.В. Воробьев